

Панкратова А.А., Осин Е.Н. Кросс-культурное исследование особенностей эмоционального контроля (Россия, Азербайджан)

English version: [Pankratova A.A., Osin E.N. Cross-cultural research of emotional control \(Russia and Azerbaijan\)](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия
Высшая школа экономики, Москва, Россия

[Сведения об авторах](#)
[Литература](#)
[Ссылка для цитирования](#)

Проверяется психометрическая эквивалентность шкал опросника ECV (Emotion Control Values) А.Маусс – ценность эмоционального контроля и самоэффективность эмоционального контроля – на российской ($n = 256$) и азербайджанской ($n = 205$) выборках. В рамках конфирматорного факторного анализа были построены модели частичной эквивалентности, позволяющие сравнивать средние баллы по латентным факторам в России и Азербайджане. Представители азербайджанской культуры имеют более высокие показатели по ценности и более низкие показатели по самоэффективности эмоционального контроля по сравнению с представителями российской культуры. В России мужчины имеют более высокие показатели по ценности и самоэффективности эмоционального контроля по сравнению с женщинами, в Азербайджане между мужчинами и женщинами нет значимых различий. Полученные результаты обсуждаются в контексте различий российской и азербайджанской культур по уровню индивидуализма–коллективизма.

Ключевые слова: ценность эмоционального контроля, самоэффективность эмоционального контроля, психометрическая эквивалентность, конфирматорный факторный анализ, культура, гендерные различия, Россия, Азербайджан

В нашей предыдущей статье проводился сравнительный анализ ценностей российской и азербайджанской культур и было показано, что азербайджанская культура является более коллективистической по сравнению с российской [Панкратова и др., 2013]. Применительно к теме настоящей статьи это означает, что азербайджанская культура выдвигает более жесткие (и одинаковые по отношению к мужчинам и женщинам) требования к эмоциональному контролю. Цели настоящего исследования: 1) оценить различия между представителями российской и азербайджанской культур по ценности и самоэффективности эмоционального контроля; 2) оценить гендерные различия, связанные с ценностью и самоэффективностью эмоционального контроля, в России и Азербайджане; 3) сформулировать гипотезы лабораторного эксперимента о последствиях подавления экспрессии, который наша исследовательская группа планирует провести в этих странах.

Подход Дж.Гросса к изучению эмоциональной регуляции

Дж.Гроссом была предложена процессуальная модель эмоциональной регуляции, согласно которой можно выделить две глобальные стратегии эмоциональной регуляции, связанные с разными этапами разворачивающегося эмоционального ответа (см. рис. 1) [Gross, 2002; John, Gross, 2004; Панкратова, 2014]. Первая глобальная стратегия – эмоциональная регуляция, сосредоточенная на условиях возникновения эмоционального ответа (antecedent-focused emotion regulation), вторая глобальная стратегия – эмоциональная регуляция, сосредоточенная непосредственно на самом эмоциональном ответе (response-focused emotion regulation). Для исследовательской работы были выделены две частные стратегии эмоциональной регуляции – когнитивная переоценка (cognitive reappraisal) и подавление экспрессии (expressive suppression), которые являются примерами описанных выше

глобальных стратегий.

Рис. 1. Процессуальная модель эмоциональной регуляции по Дж.Гроссу.

Когнитивная переоценка связана с изменением отношения к ситуации, что приводит к изменению эмоционального состояния, а подавление экспрессии – с подавлением внешних проявлений эмоционального состояния. Дж.Гроссом был разработан опросник для оценки индивидуальных различий в эмоциональной регуляции – ERQ (Emotion Regulation Questionnaire) [Gross, John, 2003], а также предложен свой метод моделирования этих стратегий в лабораторных условиях (см., например, [Gross, 1998]). В классической схеме лабораторного эксперимента моделирование стратегий эмоциональной регуляции происходит через вызов у испытуемого определенного эмоционального состояния и инструкцию, требующую от него когнитивной переоценки (изменить отношение) или подавления экспрессии (не показывать свои эмоции).

Для вызова эмоций в лабораторных условиях используется апробированный набор из 16 видеороликов, который включает в себя по 2 ролика для вызова веселья, гнева, отвращения, удовлетворения, страха, печали, удивления и нейтрального состояния [Gross, Levenson, 1995; Rottenberg et al., 2007]. Эти видеоролики были отобраны из большого количества видеоматериалов по двум критериям – дискретность (вызов определенной целевой эмоции) и интенсивность (средний уровень интенсивности целевой эмоции). Эффективность эмоциональной регуляции в рамках лабораторного эксперимента оценивается на эмпирическом (самоотчет об эмоциональном состоянии), поведенческом (активность лицевой экспрессии) и физиологическом (активность симпатической нервной системы через ответ сердечно-сосудистой и электродермальной систем) уровнях [Mauss, Robinson, 2009].

Результаты исследований стратегий эмоциональной регуляции

Эксперименты, проводившиеся исследовательской группой Дж.Гросса на представителях американской культуры, показали, что когнитивная переоценка снижает интенсивность отрицательных эмоций, интенсивность лицевой экспрессии и активность симпатической нервной системы; подавление экспрессии не влияет на интенсивность отрицательных эмоций (при подавлении положительных эмоций снижает их интенсивность), снижает интенсивность лицевой экспрессии и повышает активность симпатической нервной системы, по сравнению с контрольным условием (без эмоциональной регуляции) [Gross, 1998; Gross, Levenson, 1997]. Если сравнивать эти две стратегии между собой: при подавлении экспрессии выше интенсивность отрицательных эмоций, ниже интенсивность лицевой экспрессии и выше активность симпатической нервной системы, чем при когнитивной переоценке.

При сопоставлении результатов разных этнических групп, проживающих на территории США, было установлено, что для американцев европейского происхождения подавление экспрессии имеет более негативные последствия (в частности, приводит к повышению активности симпатической нервной системы) по сравнению с американцами азиатского происхождения. В исследовании Т.Джоу и Дж.Бишопа с участием коренных жителей этих регионов было показано, что у европейцев симпатическая активность сердечно-сосудистой системы выше при подавлении гнева, а у китайцев – наоборот, при выражении гнева, когнитивная переоценка имеет такой же ответ сердечно-сосудистой

системы, как нормативная стратегия [Zhou, Bishop, 2012]. В качестве главного объяснительного принципа рассматривается уровень индивидуализма–коллективизма культуры.

В индивидуалистических культурах важно самоутверждение и поэтому поощряется свободное проявление эмоций, в коллективистических культурах на первый план выходит поддержание социальных связей и поэтому вводится запрет на проявление эмоций (особенно таких эмоций, как гнев, приводящих к разрыву отношений). Чем выше уровень коллективизма культуры, тем ниже общий уровень проявления эмоций у ее представителей [Matsumoto et al., 2008a], тем чаще используется такая стратегия эмоциональной регуляции, как подавление экспрессии [Matsumoto et al., 2008b]. Кроме этого, в индивидуалистических культурах женщины являются более экспрессивными по сравнению с мужчинами, а в коллективистических культурах (с общими требованиями к мужчинам и женщинам) нет гендерных различий в проявлении эмоций [Scherer, Wallbott, 1994; Fischer, Manstead, 2000].

Лабораторный эксперимент А.Маусс об эффективности эмоциональной регуляции

А.Маусс был проведен лабораторный эксперимент, в котором оценивалась эффективность эмоциональной регуляции у представителей разных этнических групп (американцы европейского и азиатского происхождения) в ситуации провокации гнева [Mauss et al., 2010]. Участникам лабораторного эксперимента давалось задание вычитать 7 или 13 из большого числа (например, 18652) в течение трех периодов по 1 минуте. Во время выполнения задания экспериментатор несколько раз прерывал испытуемого с замечаниями, которые произносились все более и более раздраженным тоном. Было установлено, что американцы азиатского происхождения в ситуации провокации гнева испытывали меньшее чувство гнева и меньше его проявляли, чем американцы европейского происхождения (при этом не было различий в ответе сердечно-сосудистой системы).

Дополнительный анализ результатов с учетом показателей испытуемых по шкале «Ценность эмоционального контроля» выявил следующую закономерность [Mauss, Butler, 2010]: 1) американцы азиатского происхождения с высокими показателями по ценности эмоционального контроля (это соответствует их культуре) более эффективно справлялись с эмоциональной регуляцией, что проявлялось в меньшем чувстве гнева, меньшем количестве внешних проявлений гнева и паттерне вызова в ответе сердечно-сосудистой системы (мобилизация организма); 2) американцы европейского происхождения с высокими показателями по ценности эмоционального контроля (это не соответствует их культуре) менее эффективно справлялись с эмоциональной регуляцией, что проявлялось в меньшем количестве внешних проявлений гнева, но не в меньшем чувстве гнева и паттерне угрозы в ответе сердечно-сосудистой системы (замирание организма).

Наша исследовательская группа планирует провести лабораторный эксперимент о последствиях подавления экспрессии (по классической схеме Дж.Гросса) на российской и азербайджанской выборках. В данный момент идет подготовка к лабораторному эксперименту: подбор и апробация видеороликов для вызова эмоций в лабораторных условиях, перевод и адаптация методик, необходимых для анализа результатов эксперимента, и т.д. Настоящая статья посвящена анализу особенностей эмоционального контроля у представителей российской (ценности индивидуализма) и азербайджанской (ценности коллективизма) культур. Опираясь на описанные выше закономерности о связи индивидуализма–коллективизма культуры с уровнем проявления эмоций и гендерными различиями в проявлении эмоций у ее представителей, можно выдвинуть следующие гипотезы:

- 1) у представителей азербайджанской культуры показатели по ценности и самоэффективности эмоционального контроля выше, чем у представителей российской культуры;
- 2) в России показатели мужчин по ценности и самоэффективности эмоционального контроля выше, чем у женщин; в Азербайджане между мужчинами и женщинами нет значимых различий.

Методы

Выборка

В исследовании в общей сложности принял участие 461 человек из России (г. Москва) и Азербайджана (г. Баку):

Российская выборка (n = 256): студенты МГУ имени М.В.Ломоносова, Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», Финансового университета при правительстве РФ и других вузов г. Москвы; 135 – мужского и 121 – женского пола; в возрасте от 16 до 22 лет (среднее – 19,25, стандартное отклонение – 1,26).

Азербайджанская выборка (n = 205): студенты Бакинского филиала МГУ имени М.В.Ломоносова и других вузов г. Баку; все респонденты из Азербайджана владели русским языком; 97 – мужского и 108 – женского пола; в возрасте от 16 до 23 лет (среднее – 18,96, стандартное отклонение – 1,59).

Методика исследования

Респонденты заполняли анкету, которая касалась демографических данных (пол, возраст, образование) и структуры семьи (порядок рождения, количество и пол сиблингов, разница в возрасте с сиблингами, возраст и образование родителей и т.д.), а также набор психологических методик. В настоящей статье будут анализироваться только результаты, полученные по опроснику ECV (Emotion Control Values) А.Маусс (про перевод и русскоязычную адаптацию опросника см.: [Панкратова, 2015a, 2015b]).

При заполнении опросника ECV от респондентов требовалось отметить степень согласия с 15 утверждениями, которые работают на следующие шкалы (текст опросника и ключ к оригинальной версии приводятся в приложении):

- 1) Шкала 1 «Ценность эмоционального контроля» – убеждения человека о том, насколько важно контролировать свои эмоции и не показывать их окружающим (6 утверждений);
- 2) Шкала 2 «Самозффективность эмоционального контроля» – убеждения человека о том, насколько эмоции поддаются контролю (6 утверждений);
- 3) Контрольные вопросы, связанные не с убеждениями человека, а с оценкой поведения окружающих людей (3 утверждения).

Изначально опросник ECV состоял только из шкалы «Ценность эмоционального контроля», которая была специально разработана для анализа результатов лабораторного эксперимента об эффективности эмоциональной регуляции в ситуации провокации гнева [Mauss et al., 2010]. Позже в опросник ECV была добавлена шкала «Самозффективность эмоционального контроля», которая связана с имплицитными теориями эмоций (incremental / entity theories of emotion) [Tamir et al., 2007] и, по сути, представляет собой отдельный инструмент измерения. По этой причине при проведении конфирматорного факторного анализа (КФА) проверялась психометрическая эквивалентность не опросника в целом, а отдельно шкал опросника.

Методы анализа данных

Математическая обработка данных проводилась в статистических пакетах Mplus 7.31 с робастной статистикой хи-квадрат Саторра–Бентлера (MLM) и SPSS 18.0.

На первом этапе проверялась психометрическая эквивалентность шкал опросника ECV на российской и азербайджанской выборках с помощью КФА, для оценки внутренней согласованности шкал подсчитывалась альфа Кронбаха. *На втором этапе* сравнивались средние баллы и дисперсии по шкалам опросника ECV у представителей российской и азербайджанской культур с опорой на итоговые модели, полученные в рамках КФА.

На третьем этапе в российской и азербайджанской выборках оценивались гендерные различия по шкалам опросника ECV (t-критерий Стьюдента), для оценки размера эффекта подсчитывался показатель d Коэна. Кроме этого подсчитывались корреляции между шкалами опросника ECV (коэффициент корреляции Пирсона), между шкалами опросника ECV и контрольными вопросами

(коэффициент корреляции Спирмена). На четвертом этапе проверялись гипотезы о взаимодействии факторов культуры и гендера отдельно для каждой из шкал опросника ECV (ANOVA).

Результаты и обсуждение

Проверка эквивалентности шкал опросника ECV на российской и азербайджанской выборках

При проведении КФА использовался ключ к оригинальной версии опросника (см. приложение), за исключением пункта 2 («Сильные эмоции очень трудно контролировать»), нагрузка которого на шкалу «Самоэффективность эмоционального контроля» оказалась статистически недостоверной на азербайджанской выборке.

Сначала устанавливалось, насколько исходная теоретическая модель соответствует эмпирическим данным, собранным в России и Азербайджане. После этого проверялась психометрическая эквивалентность шкал опросника ECV в России и Азербайджане на трех уровнях – эквивалентность структуры шкалы (configural invariance), эквивалентность факторных нагрузок утверждений, входящих в шкалу (metric invariance), и эквивалентность остаточных средних (интерцептов) утверждений (scalar invariance) [Brown, 2015]. В качестве критерия приемлемого соответствия модели данным использовались показатели: CFI > 0,95, RMSEA < 0,08 (более мягкий критерий для RMSEA выбран с учетом небольшого количества переменных в модели [Kenny, McCoach, 2003]).

Теоретическая модель шкалы «Ценность эмоционального контроля» показала отличное соответствие азербайджанским данным и неудовлетворительное – российским данным (см. табл. 1). После добавления в теоретическую модель (для российской выборки) индекса модификации, связанного с ковариацией ошибок между пунктами 4 («Это неправильно – всегда показывать свои чувства») и 11 («Людам следует лучше контролировать свои эмоции»), теоретическая модель показала отличное соответствие и российским данным. Видимо, респонденты из России воспринимают эти утверждения как взаимосвязанные: как констатацию проблемы («неправильно показывать») и способа ее решения («следует лучше контролировать»).

При проверке эквивалентности шкалы «Ценность эмоционального контроля» в России и Азербайджане тестировались модели об эквивалентности структуры шкалы, эквивалентности факторных нагрузок и эквивалентности остаточных средних (см. табл. 1). Первые две модели соответствовали данным отлично, третья модель – неудовлетворительно, что связано с неэквивалентностью остаточных средних для пунктов 6 («Людам не следует сдерживать свои эмоции») и 9 («Чтобы справиться с сильными эмоциями, нужно дать им выход»). После снятия ограничения на эквивалентность остаточных средних для пунктов 6 и 9, с которыми в большей степени соглашались респонденты из Азербайджана ($\Delta\chi^2 = 8,02$ и $8,49$), показатели итоговой модели частичной эквивалентности стали хорошими.

Таблица 1

Параметры конфирматорных моделей для шкалы «Ценность эмоционального контроля» (шесть утверждений)

Модели	χ^2 (df)		CFI	RMSEA (с 90% доверительным интервалом)
<i>Теоретическая модель</i>				
Соответствие азербайджанским данным	10,94 (9)	p = 0,285	0,980	0,032 (0,000–0,089)
Соответствие российским данным	19,93 (9)	p = 0,018	0,871	0,069 (0,027–0,110)
Соответствие российским данным (после введения	10,04 (8)	p = 0,262	0,976	0,032 (0,000–0,084)

ковариации ошибок пунктов 4 и 11)				
<i>Эквивалентность шкалы в России и Азербайджане</i>				
1. Эквивалентность структуры шкалы	20,97 (17)	p = 0,228	0,978	0,032 (0,000–0,071)
2. Эквивалентность факторных нагрузок	27,46 (22)	p = 0,194	0,970	0,033 (0,000–0,067)
3. Эквивалентность остаточных средних	50,73 (27)	p = 0,004	0,870	0,062 (0,035–0,088)
Итоговая модель частичной эквивалентности	32,66 (25)	p = 0,134	0,958	0,036 (0,000–0,068)

Примечания. χ^2 (df) – значение статистики хи-квадрат с числом степеней свободы, p – уровень значимости, CFI – сравнительный индекс соответствия Бентлера, RMSEA – корень из среднеквадратической ошибки аппроксимации. В качестве критерия приемлемого соответствия моделей данным использовались показатели: CFI > 0,95 и RMSEA < 0,08.

Для шкалы «Самозффективность эмоционального контроля» были получены аналогичные результаты: теоретическая модель показала отличное соответствие азербайджанским данным и неудовлетворительное – российским данным (см. табл. 2). После добавления в теоретическую модель (для российской выборки) индекса модификации, связанного с ковариацией ошибок между пунктами 7 («Каждый может научиться управлять своими эмоциями») и 12 («Как бы человек ни старался, он не может изменить свое эмоциональное состояние»), теоретическая модель показала отличное соответствие и российским данным. Видимо, респонденты из России воспринимают эти утверждения как относящиеся к одной психологической реальности, но противоположные по смыслу («может – не может»).

При проверке эквивалентности шкалы «Самозффективность эмоционального контроля» в России и Азербайджане тестировались точно такие же модели об эквивалентности структуры шкалы, эквивалентности факторных нагрузок и эквивалентности остаточных средних (см. табл. 2). Первая модель соответствовала данным отлично, вторая модель – приемлемо, но пункт 5 («Можно многому научиться, но нельзя научиться управлять своими эмоциями») имел более сильную нагрузку в Азербайджане ($\Delta\chi^2 = 6,97$). Третья модель соответствовала данным неудовлетворительно, что было связано с неэквивалентностью остаточных средних для пункта 10 («Если человек захочет, он всегда может изменить свое эмоциональное состояние»). После снятия ограничений на эквивалентность нагрузок для пункта 5 и остаточных средних для пункта 10, с которым в большей степени соглашались респонденты из Азербайджана ($\Delta\chi^2 = 39,96$), показатели итоговой модели частичной эквивалентности стали приемлемыми.

Таблица 2

Параметры конфирматорных моделей для шкалы «Самозффективность эмоционального контроля» (пять утверждений)

Модели	χ^2 (df)		CFI	RMSEA (с 90% доверительным интервалом)
<i>Теоретическая модель</i>				
Соответствие теоретической модели азербайджанским данным	8,95 (5)	p = 0,111	0,974	0,062 (0,000–0,127)
Соответствие теоретической модели российским данным	28,43 (5)	p < 0,001	0,886	0,135 (0,090–0,186)
Соответствие теоретической модели российским данным	10,23 (4)	p = 0,037	0,970	0,078 (0,018–0,139)

(после введения ковариации ошибок пунктов 7 и 12)				
<i>Эквивалентность шкалы в России и Азербайджане</i>				
1. Эквивалентность структуры шкалы	18,83 (9)	$p = 0,027$	0,972	0,069 (0,022–0,113)
2. Эквивалентность факторных нагрузок	28,09 (13)	$p = 0,009$	0,958	0,071 (0,034–0,107)
3. Эквивалентность остаточных средних	83,56 (17)	$p < 0,001$	0,814	0,130 (0,103–0,159)
Итоговая модель частичной эквивалентности	32,86 (15)	$p = 0,005$	0,950	0,072 (0,038–0,105)

Примечания. χ^2 (df) – значение статистики хи-квадрат с числом степеней свободы, p – уровень значимости, CFI – сравнительный индекс соответствия Бенглера, RMSEA – корень из среднеквадратической ошибки аппроксимации. В качестве критерия приемлемого соответствия моделей данным использовались показатели: $CFI > 0,95$ и $RMSEA < 0,08$.

Культурные и гендерные различия в ценности и самооффективности эмоционального контроля

Итоговые конфирматорные модели частичной эквивалентности, построенные для шкал опросника ECV (см. рис. 2), позволяют оценить различия между представителями российской и азербайджанской культур по латентным факторам [Byrne et al., 1989]. Для этих целей на российской выборке среднее и дисперсия каждого латентного фактора были зафиксированы ($\mu = 0$, $\sigma^2 = 1$), а на азербайджанской выборке оценивались как свободные параметры. У азербайджанцев показатели по ценности эмоционального контроля оказались выше ($\mu = 0,50$, $p = 0,003$), а по самооффективности эмоционального контроля – ниже ($\mu = -0,45$, $p < 0,001$), чем у россиян. Кроме этого, у азербайджанцев дисперсия по ценности эмоционального контроля также оказалась выше, чем у россиян ($\sigma^2 = 1,50$, $p < 0,001$), а дисперсии по самооффективности эмоционального контроля статистически достоверно не отличались в двух группах.

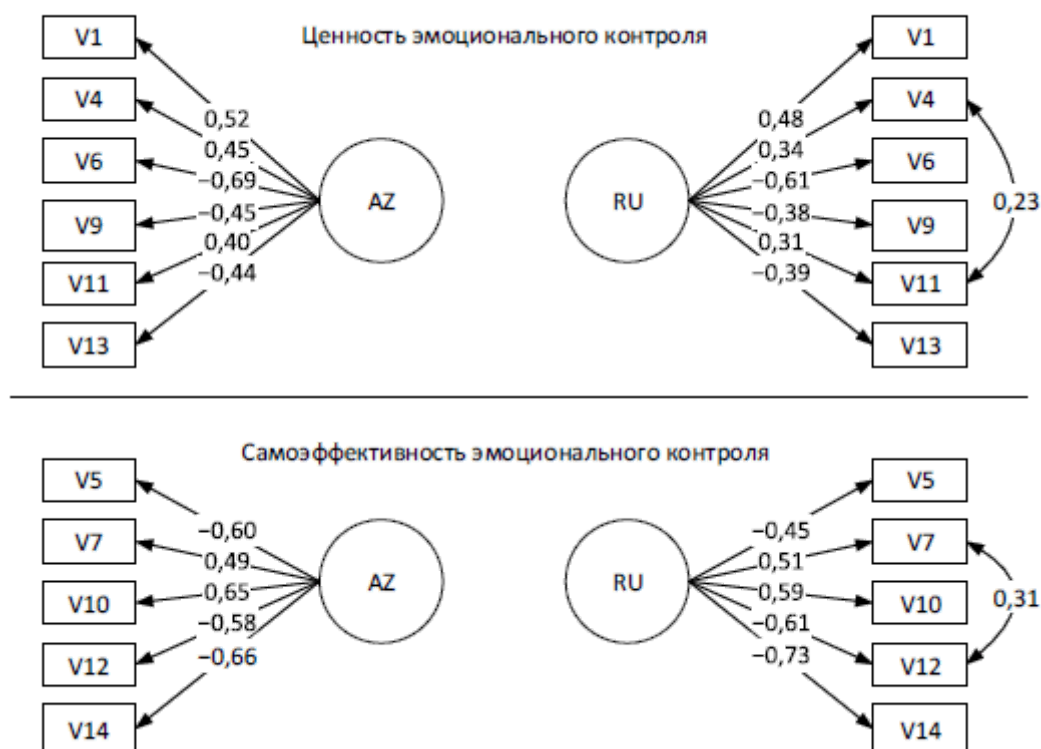

Рис. 2. Параметры итоговых моделей для шкал опросника.

Примечания. Сокращения: AZ – азербайджанская выборка, RU – российская выборка. V1, V4, V6, V9,

V11, V13 – вопросы, входящие в шкалу «Ценность эмоционального контроля». V5, V7, V10, V12, V14 – вопросы, входящие в шкалу «Самоэффективность эмоционального контроля» (формулировки вопросов см. в приложении).

Таким образом, наша гипотеза о культурных различиях частично подтвердилась: азербайджанцы как представители более коллективистической культуры транслируют, что для них более важно контролировать свои эмоции, по сравнению с россиянами [Matsumoto et al., 2008]. При этом по факту, несмотря на важность эмоционального контроля, которая поддерживается в культуре, у азербайджанцев не всегда получается контролировать свои эмоции, по сравнению с россиянами. Для того чтобы лучше понять культурные различия, нами дополнительно проверялись гипотезы о взаимодействии факторов культуры и гендера (см. рис. 3 и 4). Здесь и далее приводятся результаты, которые подсчитывались по сырым данным (различия по латентным факторам существенно не отличались ни по содержанию, ни по размеру полученных эффектов).

Проверка гипотез о взаимодействии факторов культуры и гендера показала, что:

1) более высокие показатели азербайджанцев по ценности эмоционального контроля связаны с тем, что в Азербайджане показатели женщин по ценности эмоционального контроля такие же высокие, как у мужчин, а в России показатели женщин по ценности эмоционального контроля гораздо ниже, чем у мужчин (см. рис. 3; эффект взаимодействия факторов культуры и гендера был слабым и не достиг уровня значимости $p < 0,05$);

2) более высокие показатели россиян по самоэффективности эмоционального контроля связаны с тем, что в России показатели мужчин по самоэффективности эмоционального контроля гораздо выше, чем у женщин, а в Азербайджане показатели мужчин по самоэффективности эмоционального контроля, наоборот, ниже, чем у женщин, но преимущество женщин является незначительным (см. рис. 4).

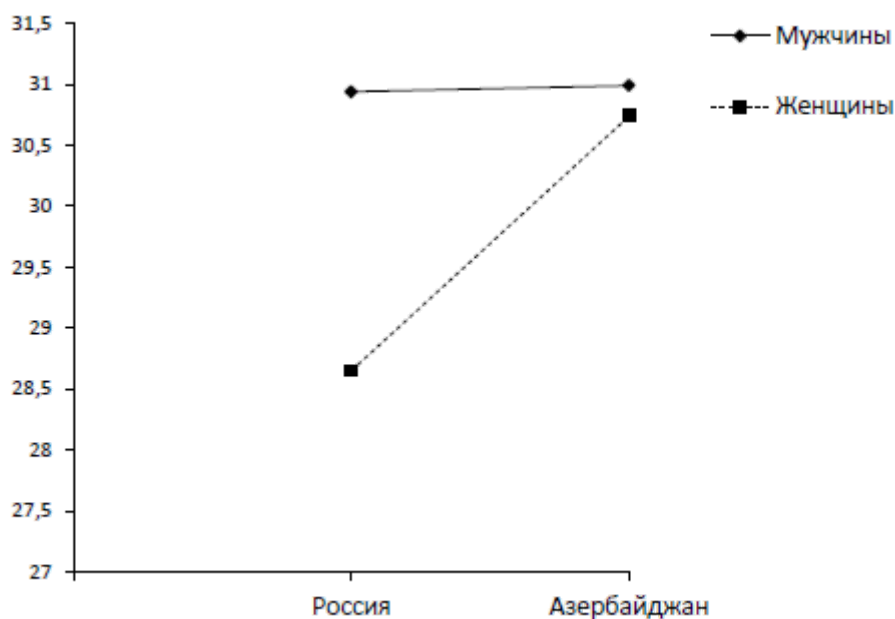

Рис. 3. Ценность эмоционального контроля: взаимодействие факторов культуры и гендера ($F(1; 457) = 1,498$; $p = 0,222$; $\eta^2 = 0,003$).

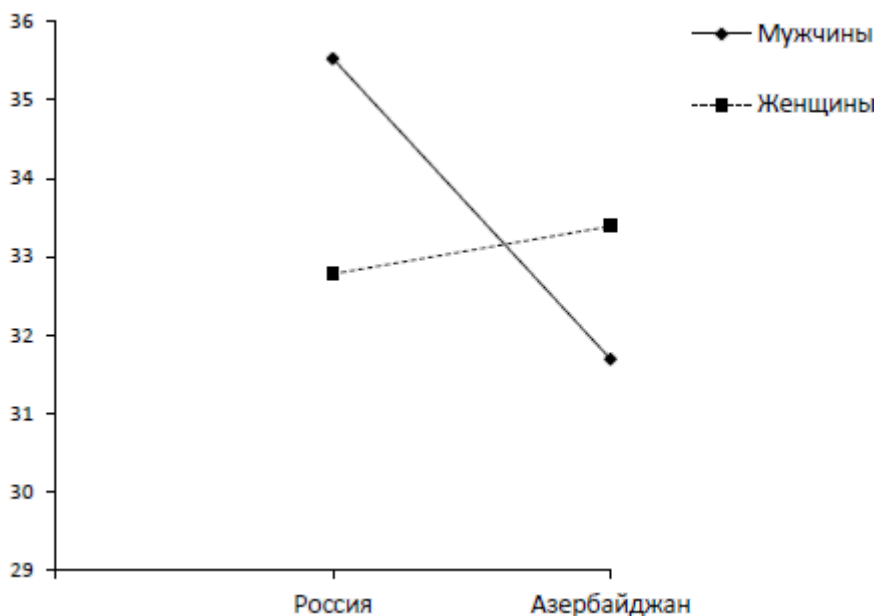

Рис. 4. Самоэффективность эмоционального контроля: взаимодействие факторов культуры и гендера ($F(1; 457) = 7,439$; $p = 0,007$; $\eta^2 = 0,016$).

Что интересно, на азербайджанской выборке шкалы опросника ECV коррелируют между собой ($r = 0,298$, $p < 0,01$) как в мужской ($r = 0,370$, $p < 0,01$), так и в женской подгруппах ($r = 0,241$, $p < 0,05$), а на российской выборке не было получено значимых корреляция. Это означает, что чем важнее для азербайджанцев (особенно это касается азербайджанских мужчин) контролировать свои эмоции, тем они лучше с этим справляются. У россиян ценность и самоэффективность эмоционального контроля оказались не связаны между собой, то есть среди россиян есть люди, для которых важно контролировать свои эмоции, но у них не очень хорошо это получается, и есть, наоборот, люди, для которых не так важно контролировать свои эмоции, но они говорят, что умеют это делать.

В России у мужчин показатели по ценности и самоэффективности эмоционального контроля выше, чем у женщин, в Азербайджане между мужчинами и женщинами по ценности и самоэффективности эмоционального контроля нет значимых различий (см. табл. 3). Дополнительный корреляционный анализ между шкалами опросника ECV и контрольными вопросами, которые связаны с оценкой поведения окружающих людей, показал, что чем выше у азербайджанских женщин показатель по ценности эмоционального контроля, тем у них выше балл по вопросу 15 «Большинство людей не контролируют свои эмоции должным образом» ($r = 0,243$, $p < 0,01$), то есть чем важнее для азербайджанских женщин контролировать свои эмоции, тем они больше обвиняют окружающих людей в недостаточном контроле своих эмоций.

Таблица 3

Гендерные различия по шкалам опросника ECV в России и Азербайджане

Страна	Шкала	Альфа Кронбаха	Мужчины М (SD)	Женщины М (SD)	t	d
Россия	Ценность эмоционального контроля	0,554	30,94 (8,46)	28,65 (8,16)	$t(254) = 2,20$, $p = 0,028$	0,28
	Самоэффективность эмоционального контроля	0,691	35,53 (8,10)	32,78 (8,07)	$t(254) = 2,72$, $p = 0,007$	0,34
Азербайджан	Ценность эмоционального	0,663	30,99 (9,21)	30,79 (9,77)	$t(203) = 0,15$, $p = 0,879$	0,02

контроля					
Самоэффективность эмоционального контроля	0,728	31,69 (9,44)	33,39 (9,38)	t (203) = 1,29, p = 0,198	0,18

Примечания. M – среднее, SD – стандартное отклонение, t-критерий Стьюдента, p – уровень значимости, показатель d Коэна.

Таким образом, наша гипотеза о гендерных различиях подтвердилась: гендерные различия в России соответствуют закономерности о гендерных различиях в проявлении эмоций в индивидуалистических культурах (женщины в большей степени проявляют свои эмоции, чем мужчины), гендерные различия в Азербайджане – закономерности о гендерных различиях в проявлении эмоций в коллективистических культурах (отсутствие гендерных различий в проявлении эмоций) [Fischer, Manstead, 2000]. Это объясняется тем, что в коллективистических культурах предъявляются более жесткие и одинаковые по отношению к мужчинам и женщинам требования к эмоциональному контролю, чаще используется такая стратегия эмоциональной регуляции, как подавление экспрессии, чем в индивидуалистических культурах [Matsumoto et al., 2008b].

С опорой на полученные результаты можно предположить, что для азербайджанцев подавление экспрессии является более типичной стратегией эмоциональной регуляции, чем для россиян. Кроме этого, в Азербайджане к подавлению экспрессии с равной частотой прибегают как мужчины, так и женщины, в России эта стратегия эмоциональной регуляции чаще используется мужчинами, по сравнению с женщинами.

Таким образом, в рамках лабораторного эксперимента о последствиях подавления экспрессии в России и Азербайджане мы ожидаем получить следующие результаты:

- 1) у представителей российской культуры подавление экспрессии будет приводить к повышению активности симпатической нервной системы, по сравнению с представителями азербайджанской культуры (более ярко эта закономерность будет выражена при сравнении российских и азербайджанских женщин);
- 2) в России у женщин подавление экспрессии будет приводить к повышению активности симпатической нервной системы, по сравнению с мужчинами, в Азербайджане между мужчинами и женщинами не будет выявлено значимых различий.

Выводы

1. *Опросник ECV (Emotion Control Values) А.Маусс:* конфирматорный факторный анализ показал, что соблюдается требование частичной эквивалентности по шкалам «Ценность эмоционального контроля» и «Самоэффективность эмоционального контроля», позволяющее сравнивать средние баллы по латентным факторам в России и Азербайджане.

2. *Культурные различия:* для представителей азербайджанской культуры более важно контролировать свои эмоции (ценность эмоционального контроля), но при этом они считают, что хуже с этим справляются (самоэффективность эмоционального контроля) по сравнению с представителями российской культуры.

3. *Гендерные различия:* в России для мужчин более важно контролировать свои эмоции (ценность эмоционального контроля) и они считают, что лучше с этим справляются (самоэффективность эмоционального контроля) по сравнению с женщинами; в Азербайджане между мужчинами и женщинами не было установлено значимых различий.

Приложение

Опросник ECV А. Маусс

Ниже приводятся вопросы, касающиеся переживаний и выражения эмоций, а также Вашего отношения к эмоциям. Пожалуйста, ответьте на каждый вопрос, используя шкалу от 0 (категорически не согласен) до 10 (полностью согласен).

1. Людям не следует выражать свои эмоции открыто.
2. Сильные эмоции очень трудно контролировать.
3. По людям обычно видно, что они чувствуют.
4. Это неправильно – всегда показывать свои чувства.
5. Можно многому научиться, но нельзя научиться управлять своими эмоциями.
6. Людям не следует сдерживать свои эмоции.
7. Каждый может научиться управлять своими эмоциями.
8. Люди почти всегда контролируют свои эмоциональные реакции.
9. Чтобы справиться с сильными эмоциями, нужно дать им выход.
10. Если человек захочет, он всегда может изменить свое эмоциональное состояние.
11. Людям следует лучше контролировать свои эмоции.
12. Как бы человек ни старался, он не может изменить свое эмоциональное состояние.
13. Вполне допустимо выражать свои эмоции – и отрицательные, и положительные.
14. На самом деле эмоции почти не поддаются контролю.
15. Большинство людей не контролируют свои эмоции должным образом.

Ключ к оригинальной версии опросника

Шкала «Ценность эмоционального контроля»: 1, 4, 6 (-), 9 (-), 11, 13 (-).

Шкала «Самоеффективность эмоционального контроля»: 2 (-), 5 (-), 7, 10, 12 (-), 14 (-).

Контрольные вопросы, которые касаются оценки поведения окружающих людей: 3, 8, 15.

Литература

Панкратова А.А. Подход Дж.Гросса к изучению эмоциональной регуляции: примеры кросс-культурных исследований. Вопросы психологии, 2014, No. 1, 147–155.

Панкратова А.А. Русскоязычная адаптация опросника ECV (Emotion Control Values) А.Маусс и изучение индивидуальных различий. В кн.: Материалы Юбилейной конференции «От истоков – к современности» (130 лет организации психологического общества при Московском университете), Москва, 29 сентября – 1 октября 2015 г. Т. 1–5. М.: РПО, 2015а. Т. 5, с. 95–98.

Панкратова А.А. Новые данные по адаптации опросника ECV (Emotion Control Values) А.Маусс и изучение гендерных различий. В кн.: Обучение и развитие: современная теория и практика. Материалы XVI Международных чтений памяти Л.С.Выготского, Москва, 16–20 ноября 2015 г. Ч. 1–2. М.: Левь, 2015b. Ч. 1, с. 534–539.

Панкратова А.А., Осин Е.Н., Люсин Д.В. Особенности эмоционального интеллекта у представителей российской и азербайджанской культур. Психологические исследования, 2013, 6(31), 11.
<http://psystudy.ru>

Brown T.A. Confirmatory factor analysis for applied research. New York, NY: The Guilford Press, 2015.

Byrne B.M., Shavelson R.J., Muthén B. Testing for the equivalence of factor covariance and mean structures: The issue of partial measurement invariance. Psychological Bulletin, 1989, 105(3), 456–466.

Fischer A.H., Manstead S.R. The relation between gender and emotions in different cultures. In: A.H.Fischer (Ed.), Gender and emotion: social psychological perspectives. New York, NY: Cambridge University Press, 2000. pp. 71–94.

Gross J.J. Antecedent- and response-focused emotion regulation: Divergent consequences for experience, expression, and physiology. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1998, 74(1), 224–237.

Gross J.J. Emotion regulation: Affective, cognitive, and social consequences. *Psychophysiology*, 2002, 39(3), 281–291.

Gross J.J., John O.P. Individual differences in two emotion regulation processes: Implications for affect, relationships, and well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2003, 85(2), 348–362.

Gross J.J., Levenson R.W. Emotion elicitation using films. *Cognition and Emotion*, 1995, 9(1), 87–108.

Gross J.J., Levenson R.W. Hiding feelings: The acute effects of inhibiting negative and positive emotion. *Journal of Abnormal Psychology*, 1997, 106(1), 95–103.

John O.P., Gross J.J. Healthy and unhealthy emotion regulation: Personality processes, individual differences, and lifespan development. *Journal of Personality*, 2004, 72(6), 1301–1334.

Kenny D.A., McCoach D.B. Effect of the number of variables on measures of fit in structural equation modeling. *Structural Equation Modeling*, 2003, 10(3), 333–351.

Matsumoto D., Yoo S.H., Fontaine J. Mapping expressive differences around the world: The relationship between emotional display rules and Individualism v. Collectivism. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2008a, 39(1), 55–74.

Matsumoto D., Yoo S.H., Nakagawa S., Anguas-Wong A.M., Arriola M., Bauer L.M. et al. Culture, emotion regulation, and adjustment. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2008b, 94(6), 925–937.

Mauss I.B., Butler E.A., Roberts N.A., Chu A. Emotion control values and responding to an anger provocation in Asian-American and European-American individuals. *Cognition and Emotion*, 2010, 24(6), 1026–1043.

Mauss I.B., Butler E.A. Cultural context moderates the relationship between emotion control values and cardiovascular challenge versus threat responses. *Biological Psychology*, 2010, 84(3), 521–530.

Mauss I.B., Robinson M.D. Measures of emotion: A review. *Cognition and Emotion*, 2009, 23(2), 209–237.

Rottenberg J., Ray R.D., Gross J.J. Emotion elicitation using films. In: J.A. Coan, J.J. Allen (Eds.), *The handbook of emotion elicitation and assessment*. New York, NY: Oxford University, 2007. pp. 9–28.

Scherer K.R., Wallbott H.G. Evidence for universality and cultural variation of differential emotion response patterning. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1994, 66(2), 310–328.

Tamir M., John O.P., Srivastava S., Gross J.J. Implicit theories of emotion: Affective and social outcomes across a major life transition. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2007, 92(4), 731–744.

Zhou T., Bishop G.D. Culture moderates the cardiovascular consequences of anger regulation strategy. *International Journal of Psychophysiology*, 2012, 86(3), 291–298.

Поступила в редакцию 19 августа 2015 г. Дата публикации: 31 декабря 2015 г.

[Сведения об авторах](#)

Панкратова Алина Александровна. Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, кафедра психогенетики, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.

E-mail: alina_pankratova@mail.ru

Осин Евгений Николаевич. Кандидат психологических наук, доцент, департамент психологии;

ведущий старший научный сотрудник, международная лаборатория позитивной психологии личности и мотивации, Высшая школа экономики (Национальный исследовательский университет), ул. Мясницкая, д. 20, 101100 Москва, Россия.

Е-mail: [Этот адрес электронной почты защищен от спам-ботов. У вас должен быть включен JavaScript для просмотра.](mailto:eosin@hse.ru) style="line-height: 16.2px;" target="_blank">eosin@hse.ru, [Этот адрес электронной почты защищен от спам-ботов. У вас должен быть включен JavaScript для просмотра.](mailto:evgeny.n.osin@gmail.com) style="line-height: 16.2px;" target="_blank">evgeny.n.osin@gmail.com

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Панкратова А.А., Осин Е.Н. Кросс-культурное исследование особенностей эмоционального контроля (Россия, Азербайджан). Психологические исследования, 2015, 8(44), 6. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Панкратова А.А., Осин Е.Н. Кросс-культурное исследование особенностей эмоционального контроля (Россия, Азербайджан) // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 44. С. 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n44/1210-pankratova44.html>

[К началу страницы >>](#)